

уяўленняў аб Скарыне і ягоным дачыненні да беларускага народу. Адам Кіркор, не без уплыву сваёй літоўскай ідэнтычнасці [2, с. 58–62], з аднаго боку энергічна падвышае ацэнку культуры “русінскіх” народаў Літвы і Кароны, супрацьпастаўляе літаратурнае багацце беларусаў і ўкраінцаў тым чатыром расійскім пісьменнікам, якіх, паводле Кіркора, толькі і можна згадаць за перыяд XVI–XVII стст. [7, с. 85–86]. З іншага боку, ён бачыць у Скарыне выказніка патрэбаў новай генерацыі беларусаў-каталікоў, як бы нагадваючы сучаснікам, што не ўсе каталікі жыхары былых земляў Рэчы Паспалітай – палякі. У працы А. Ябланоўскага назіраецца намінальнасць дачынення героя-першадрукара да беларускай культуры, а ягоны вобраз не суадносіцца з сучасным для навукоўцы беларускім этнасам. Незадоўга да паўстання незалежнай польскай дзяржавы ў манаграфіі Л. Васілеўскага постаць Францішка Скарыны ўпісваецца ў кантэкст магутага беларускага народу, здатнага не толькі на выпрацоўку ўласных ўзораў культуры, але і на асіміляцыю суседскіх. З іншага боку, публіцыст, гісторык, папличнік Ю. Пілсудскага і ўдзельнік ружскіх перамоў 1921 г. Васілеўскі са скептыцызмам пазіраў на самастойную будучыню беларусаў. Гісторыя II Рэчы Паспалітай прадэманстравала рэалізацыю падобнага стаўлення надзвычай рэльефна.

1. Владимирив, П. В. Доктор Франциск Скорина: его переводы, печатные издания и язык / П. В. Владимирив. – Санкт-Петербург, 1888. – 351 с.
2. Долбилов, Михаил; Сталюнас, Дариус. Обратная уния: из истории отношений между католицизмом и православием в Российской империи 1840–1873 / Михаил Долбилов, Дариус Сталюнас. – Вильнюс: LII leidykla, 2010. – 274 с.
3. Мак-Люэн, Маршалл. Галактика Гуттенберга: Сотворение человека печатной культуры / Маршалл Мак-Люэн. – Киев: Ника-Центр, 2004. – 432 с.
4. Немировский, Е. Л. По следам Франциска Скорины / Е. Л. Немировский. – Минск: Беларусь, 1990. – 271 с.
5. Піотуховіч, Міхаіл. Францішак Скарына і яго літаратурная дзейнасць / Міхаіл Піотуховіч. – Менск: Інстытут беларускай культуры, 1926. – 25 с.
6. Jablonowski, A. Akademia kijowsko-mohilańska. Zarys historyczny na tle rozwoju ogólnego cywilizacji zachodniej na Rusi / A. Jablonowski. – Kraków, 1899–1900, 318 s.
7. Kirkor, A. O literaturze pobratymczych narodów słowiańskich / A. Kirkor. Kraków, 1874. – 356 s.
8. Linde, S. B. O Literaturze Rossyyskiéy / S. B. Linde // Pamiętnik Warszawski. – 1815 – Listopad – S. 277–299.
9. Linde, S. B. O Statucie Litewskim ruskim językiem i drukiem wydanym wiadomość / S. B. Linde. – Warszawa, 1816. – 218 s.
10. Powstański, A. Uwagi odnoszące się do bibliografii Statutu Litewskiego / A. Powstański. – Wilno, 1829. – 227 s.
11. Wasilewski, L. Litwa i Białoruś: Przeszłość – Teraźniejszość – Tendencje rozwojowe / L. Wasilewski. – Kraków, 1912. – 361 s.
12. Wiszniewski, M. Historia literatury polskiej: w 10 t. / M. Wiszniewski. – Kraków, 1851. – T. 8. – 504 s.

Мосейчук Л.И.

ПОЛЬСКАЯ И РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВИЛЕНСКОГО ПАПСКОГО АЛУМНАТА

Изучение отдельных направлений становления и развития системы среднего и высшего духовного католическо-униатского образования на Белорусских землях конца XVIII – начала XIX вв. имеет место, как в отечественной, так и зарубежной историографии. Исторически сложились два историографических центра изучения истории Римско-католической и униатской церкви в восточно-европейском регионе. В конце XIX – начале XX века это был Санкт-Петербург. В российской историографии такие авторы как А.В. Белецкий [8] П. Н. Жукович [9], Н. Изверков [11], М. О. Коялович [12], Д. А. Толстой [13], И. А. Чистович [14] сформировали разные подходы к изучению и оценке деятельности духовных школ дающих высшее и среднее образование белому униатскому духовенству. Именно в работах вышеперечисленных авторов была поставлена проблема связанная с деятельностью виленского папского Алумната.

Революционные события 1917 г. привели к перемещению центра исследований в Люблин (где в 1918 г. на основе Санкт-Петербургской римско-католической духовной академии открылся Люблинский католический университет). Однако акцент в работах польских авторов (И. Белинского [1], Я. Гижицкого [4], Я. Дукалы [3], Т. Длугоша [2], Б. Кумора [5], И. Охманьского [6]) делается в первую очередь на исследования истории римско-католических духовных семинарий белорусских земель. В то время как униатскому духовному образованию посвящаются в лучшем случае небольшие разделы [5].

В этой связи особый интерес для создания целостной картины становления духовного униатского образования вообще и деятельности папского Алузната представляется изучение русской и польской историографии по вышеназванной проблеме. Цель статьи, основываясь на материалах содержащихся в работах польских и российских авторов, показать влияние данного учебного заведения на последующее развитие среднего и высшего униатского духовного образования.

Единственное учебное заведение, существовавшее на территории Речи Посполитой, в котором дети белого униатского духовенства могли получить высшее образование в XIX в. – виленский папский Алузнат «*Alumnat papieski*», основанный по распоряжению Папы Григория XIII в г. Вильно в конце XVI в. для молодых людей «способных к духовному сану» [1, с. 83]. Просуществовал до 1798 г. [1, с. 84].

Это учебное заведение размещалось в здании, примыкавшем к епархиальной виленской католической семинарии. Алузнат, был рассчитан на 16 учеников: 12 католического вероисповедания и 4 униатского. Места, предназначенные для униатского клира, как правило, занимались представителями базилианского ордена, что вызывало негативное отношение к данной институции со стороны белого духовенства [12, с. 159]. С первых дней своего открытия учебное заведение было под управлением иезуитов. Преподаватели в виленский Алузнат назначались непосредственно из Рима, где, как правило, и готовились для этой должности [5, с. 234.].

В связи с многочисленными войнами и политическими неурядицами в Речи Посполитой в XVII–XVIII вв. занятия в Алузнате часто прерывались, а количество клириков редко превышало семь человек [4, с. 17].

С целью повышения количества выпускников папского Алузната и повышения образовательного уровня среди униатского духовенства последний, с 12 февраля 1753 г. перешёл в ведомство базилиан.

В булле Папы Бенедикта XIV «*Commendatissimum studium*» от 5 апреля 1753 г. [1, с. 84], говорилось о необходимости воспитания образованных клириков для выполнения вспомогательных обязанностей при епископах и для замещения епископских кафедр лицами из белого духовенства. В это же время количество обучаемых клириков увеличилось до 20. Подтверждая новый состав семинарии, ректор Феликс Вержбицкий (1752–1769 гг.) в 1754 г. подчеркнул, что из 20 мест 4 будет распределено между монахами базилианского ордена, 16 – отдано белому униатскому духовенству [1, с. 85]. По одному ученику присылали Киевская епархия, воеводства Виленское, Новогрудское, Минское, Полоцкое, Витебское, Брестское и Подлясье. По двое клириков присылали из Полоцкой, Смоленской, Владимирской и Пинской епархий [12, с. 159].

Папская институция, как и прочие семинарии, представлял собой учебное заведение закрытого типа, где воспитанники бесплатно обеспечивались жильём, питанием и обучением, давая обещание посвятить себя духовной карьере [6, с. 157]. В уставе данного учебного заведения говорилось, что «воспитанники Алузната предназначаются для занятия высших должностей в церкви до епископства включительно (*usque ad episcopatum*)» [7, с. 44].

По данным П. Янковского курс обучения в Алузнате составлял семь лет [15, с. 268] и специфика преподавания «философско-богословских наук, составлявших программу Алузната, смотря по времени, было очень удовлетворительным и чуждым той узости взгляда и фанатической односторонности, коими страдали другие подобные заведения, почти исключительно заправляемые иезуитами» [15, с. 268].

Фундуш Алузната был не большим и состоял из 43 200 руб. высылаемых из Рима на содержание 16 семинаристов униатского вероисповедания и денежного пожертвования виленского маршалка М. Мнишки (1748 – 1806 гг.) [7, с. 146] в 54 000 зл. [1, с. 83]. В результате разлада в финансировании данного учреждения в конце XVIII в., семинария задолжала крупную сумму. Бывший в то время при Российском дворе папский

нунций архиепископ Литта, узнав об этом, издал распоряжение, согласно которому клирики были переведены в другие учебные заведения, семинарские здания проданы с торгов, а вырученные от их продажи деньги потрачены на уплату долгов [1, с. 83].

Все преподаватели и ректоры семинарии были представителями базилианского ордена. Возглавляли семинарию в вышеназванный период Феликс Вержбицкий (1752 – 1768 гг.) и Павел Корсак (1769 – 1798 гг.) [1, с.85].

Выпускниками этой духовной школы были: протопросвитель Оршанского и Бабиновичского уезда каноник Савинич, протопросвитель Витебского, Суражского и Вележского уезда каноник Юрьевич, протопросвитель Гродненского и Невельского уездов каноник М. Копецкий, протопросвитель Люцинского Дрисенского и Себежского уездов каноник Конюшевский, протопросвитель Полоцкого уезда каноник Радзевич. А также полоцкий архиепископ И. Красовский, протоирей А. Тупальский, митрополит И.Булгак [13], оказавшие впоследствии значительное влияние на развитие униатской духовной образовательной системы.

Таким образом, как учебное заведение, дающее духовное образование униатскому клиру «*Alumnat parieski*» просуществовал с 1753 по 1798 гг. и не смог сильно повлиять на ситуацию просвещения белого униатского духовенства из-за своей неадекватности для широких слоев духовного клира.

Вместе с тем весьма примечателен тот факт, что выпускник данного учебного заведения А.Тупальский в своих разговорах уже со своими воспитанниками, а в последствии и единомышленниками вспоминал, о папском Алумнате с теплотой и признательностью. «Нам неоднократно доводилось слышать от покойного протопросвителя, что все знания полученные им касательно восточного обряда униатской церкви были получены в данном учебном заведении» - напишет в последствии его ученик П.Янковский [15, с. 267-268].

С закрытием папского Алумната высшей ступенью в образовании униатских священников должна была стать духовная семинария.

1. Bieliński, J. Uniwersytet Wilenski (1579 – 1881). W III T. – Tom I. – Krakow: druk W.L. Anczyca i spoiki. 1899 – 1900. – 537s.
2. Długosz, T. Dzieje diecezji Smoleńskiej / T. Długosz. – Lwów: Skład główny w księgarni Gubrynowicza, Drukarnia Urzędnicza, 1937. – 95 s.; Długosz, T. Schematyzmy diecezjalne jako źródło historyczne / T. Długosz // Sprawozdania z czynności wydawniczej i posiedzeń naukowych, oraz Kronika Towarzystwa Naukowego Katolickiego Uniwersytetu Lubelskiego. – 1961. – № 12. – S. 89–92; Długosz, T. Seminaria duchowne we wschodniej Polsce do 1800 roku / T. Długosz // Collectanea Theologica. – 1935. – R. 16. – S. 23–37.
3. Dukała, J. «Ratio studiorum» w seminariach diecezjalnych pod zarządkiem księży misjonarzy (1675–1864) / J. Dukała // Nasza przeszłość. – 1984. – T. 61. – S. 149–231; Dukała, J. Formacja alumnów diecezjalnych przez księży misjonarzy w latach 1675–1864 / J. Dukała // Nasza przeszłość. – 1996. – T.86. – S. 11–70.
4. Giżycki, J.M. Materiały do dziejów Akademii Połockiej i szkół od niej zależnych / J. Giżycki. – Kraków: W.L. Anczyca, 1905. – 20 s.
5. Kumor, B. Historia kościoła. Część 6. – Czasy nowożytne kościoła w okresie absolutyzmu i oświecenia. – Lublin: Katolicki Uniwersytet Lubelski, 1985. – 308s.
6. Ochmański, J. Historia Litwy – Wrocław – Warszawa – Kraków: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1990. – 396 s.
7. Radwan, M. Carat wobec Kościoła greckokatolickiego w zaborze rosyjskim (1796 – 1839). - Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2004. – 504 s.
8. Белецкий, А.В. Исторический обзор деятельности Виленского учебного округа за первый период его существования 1803 – 1832 гг. Отд.3. Учебные заведения Витебской и Могилёвской губерний в 1803 – 1832 гг. – Вильно: Тип. Сыркина, 1908. – 146 с.; Белецкий, А.В. Неудавшаяся попытка дать латинскому духовенству Западной России воспитание в русском духе. Вильно, тип. Св. Духовского братства, 1897. – 37 с.; Белецкий, А.В. Исторический обзор деятельности Виленского учебного округа за первый период его существования 1803 – 1832 гг. Отд.3. Учебные заведения Витебской и Могилёвской губерний в 1803 – 1832 гг. – Вильно: Тип. Сыркина, 1908. – 146 с.
9. Жукович, П.Н. Записка о духовной Академии в Вильне. – С. – Петербург: 1914. – 29 с.; Жукович, П. Об основании и устройстве главной духовной семинарии при Виленском университете (1803 - 1832гг.) // Христианское Чтение. – СПб.: 1887. - № 3-4. – С. 237 – 286; Жукович, П. Н. Об основании и устройстве главной духовной семинарии при Виленском университете (1803 – 1832гг.). – СПб.: 1887. – 50 с.; Жукович, П. О профессорах богословского факультета Виленского университета в настоящем столетии // Христианское чтение. – СПб, 1888. – № 3 – 4. – С. 369.
10. Изверков, Н. Высокопреосвященный Иосиф (Семашко) митрополит Литовский и Виленский. – Вильна: Типография А.Г. Сыркина, 1889 – 235 с.
11. Коялович, М.О. История воссоединения западнорусских униатов старых времён. – СПб.: 1873. – 400с.; О заслугах покойного митрополита Литовского Иосифа в деле русского образования в Западной России // Журнал Мини-

стерства Народного просвещения. Часть СХL. 1867. С. 896 – 905.

12. Лужинский, В. Записки Василия Лужинского архиепископа Полоцкого // Православный собеседник. 1884 май. Казань: Типография Императорского университета. С. 29 – 43.

13. Толстой, Д.А. Римский католицизм в России. Историческое исследование графа Д.А. Толстого. Т.2. – СПб.: Издание и типография В.Ф.Демакова, 1876. – 248 с.

14. Чистович, И.А. История Санкт - Петербургской Духовной Академии. – СПб.: 1887. – 625с.; Чистович, И. Очерк истории западно-русской церкви. – В 2-х ч. - Ч. 1. – СПб.: Типография Департамента Уделов, 1882 – 424с.; Чистович, И. Пятидесятилетие (1839 – 1889) воссоединения униатов с православной церковью СПб, 1889. – 89с.

15. Янковский, П. Протопресвитер Антоний Тупальский // Записки сельского священника. С. 267 - 268.

Прицев Д.А.

ПОСЛЕВОЕННАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ СССР (1946–1953 гг.) В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Обострение международной обстановки, ставка на развитие средств производства обуславливали необходимость поисков средств для реализации планов восстановления и преумножения социально-экономического потенциала страны. Основным же источником по осуществлению намеченных целей модернизации народного хозяйства являлся сельскохозяйственный сегмент экономики. Во многом вынужденная эксплуатация деревни позволила советскому правительству в относительно короткие сроки восстановить и превысить уровень разрушенного войной промышленного производства.

Концентрация на преимущественном развитии тяжелой индустрии приводила к перераспределению средств из аграрного сектора экономики, консервировала командно-административный стиль управления сельским хозяйством, ориентируя на экстенсивный путь развития, что приводило к усилению мер внеэкономического стимулирования труда. Неэффективность организации колхозного производства, по мнению О.М. Вербицкой, проявилась в постоянной нехватке рабочих рук, нарушении принципа материальной заинтересованности, в исключительно большой роли личных подсобных хозяйств в производстве отдельных видов животноводческой продукции в ее общем объеме [5, с. 59-61]. Подобная государственная политика вела к снижению уровня жизни сельского населения, инициировала серьезные социально-демографические трансформации деревни.

Монография О.М. Вербицкой «Российское крестьянство: от Сталина к Хрущеву. Середина 40-х начало 60-х годов» стала одной из первых попыток переосмысления вначале 1990 гг. послевоенной истории российского крестьянства. В новых исследованиях более глубоко по сравнению с предшествующим периодом анализируются исходные позиции, с которых началось восстановление сельского хозяйства. Подчеркивается более длительный восстановительный период не ограниченный рамками первой послевоенной пятилетки 1945-1950 гг., отражается обоснованность и необходимость реформирования аграрного сектора [6, с. 115].

В это же время появились исследования, посвященные анализу, описанию и интерпретации голода 1946-1947 гг. в научной и публицистической литературе, затрагивающие как природные, так и социальные аспекты данного явления, зачастую содержащие переклесты в оценке событий [6, с. 116; 12, с. 29]. В связи с чем, следует отметить ряд публикаций В.Ф. Зимы, среди которых монография «Голод в СССР 1946-1947 годов: происхождение и последствия» является центральной работой [10]. Исследователь видит одну из главных причин продовольственного кризиса в политике руководства страны, направленной на первоочередное пополнение государственных резервов в связи с обострением международной обстановки, обусловленной форсированным развитием новых систем вооружений. При этом голод, по мнению В.Ф. Зимы, зачастую использовался в качестве инструмента усмирения недовольства среди населения, вызванного не только отсутствием самых элементарных продуктов, но и непомерно возрастающим год от года налоговым бременем, всякого рода займами, усилением административно-правового нажима, «граби-